

УДК 41

ПЕРЕВОДИМЫЙ ТЕКСТ В РЕФЛЕКСИИ ПЕРЕВОДЧИКА

А.А. Яковлев, А.К. Манюкова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье приводится материал эксперимента, направленного на изучение того, какие факторы могут влиять на выбор одного из вариантов перевода, и того, как эти факторы переживаются переводчиком. Были выделены три типа факторов и обнаружено постоянное присутствие эмоционально-оценочного переживания переводчиком переводимого текста, что далеко не всегда им самим осознаётся.

Ключевые слова: *перевод, теория перевода, контекст, психолингвистика, эксперимент.*

Принято считать, что контекст оказывает существенное влияние на действия переводчика, на выбор стратегий перевода и конкретных языковых средств выражения смысла оригинального текста. Так, Ю. Найда приводит несколько «типов» контекстов, которые по-разному могут влиять на перевод [6: 29–41]. Однако такая точка зрения предполагает, что контекст влияет на перевод непосредственно, сам по себе, активная роль переводчика как субъекта деятельности при этом лишь подразумевается. Другая весьма распространённая точка зрения состоит в том, что переводчик, учитывая контекст, способен рационалистически, сознательно воспроизводить основу и «истинный» смысл своих действий, т.е. он почти приравнен в таком самопознании к исследователю перевода, что также принимается априорно.

Психолингвистический подход к анализу переводных явлений требует учёта того, что восприятие текста суть построение его ментальной проекции, образа содержания этого текста [1: 394–481; 3: 263–266], а условия восприятия и порождения текста (т.е. контекст и условия речевой ситуации, включающие прагматику, образ получателя текста и др.) не просто учитываются, но личностно переживаются субъектом деятельности, что далеко не всегда носит логико-рациональный характер.

Проведённый нами эксперимент был направлен на то, чтобы выявить особенности отношения переводчика к переводимому тексту. Испытуемым (далее – Ии.) были даны предложения на английском языке и по пять вариантов перевода для каждого предложения, в одном случае эти предложения были даны без контекста, в другом – в небольшом контексте. Ии. было предложено выбрать наиболее и наименее приемлемые, по их мнению, варианты перевода предложений и ранжировать предложенные варианты, обозначив каждый из них цифрой от 1 до 5

таким образом, что цифра 1 соответствовала наиболее приемлемому варианту, а цифра 5 – наименее приемлемому. Для эксперимента были подобраны тексты разных стилей: художественный, научный и публицистический. Варианты перевода были распределены таким образом, что первый вариант был структурно наиболее близок к оригиналу, т.е. почти буквальным переводом, а пятый вариант наиболее далёк от оригинала. При формулировке различных вариантов перевода мы опирались на введённое Г.А. Золотовой понятие изосемичности, под которым понимается семантико-морфолого-синтаксическое равновесие предложения:

«Смещение в равновесии семантических, морфологических и синтаксических признаков согласно закону грамматической компенсации влечёт за собой появление избыточности в средствах..., что в свою очередь порождает дополнительные смысловые и стилистические оттенки...» [2.: 128].

Ии. предлагалось также прокомментировать выбор того или иного варианта перевода – указать причину выбора для двух «крайних» вариантов, которые кажутся испытуемому наиболее и наименее приемлемыми. Именно характер комментариев и будет интересовать нас в рамках данной статьи. Всего в эксперименте принял участие 81 Ии., гендерная принадлежность Ии. не учитывалась. Все участники являлись студентами-переводчиками 4 и 5 курсов Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск), что предполагает наличие теоретической базы, на которую Ии. опирались при выборе варианта перевода.

Особенности того, как наличие контекста влияло на выбор наиболее и наименее подходящего варианта перевода, рассмотрены нами в другой работе (см.: [5]). Сделанный там общий вывод состоит в том, что при переводе играет роль не сам контекст (его наличие или отсутствие), а отношение к нему переводчика, субъективная оценка его как наиболее или наименее приемлемого именно в данный момент; здесь же мы намерены подробно остановиться на вопросе, лишь вскользь рассмотренном там, а именно – чем наши Ии. объясняли свой выбор. Как мы полагаем, выяснение этого проливает свет на выбор опор при осуществлении перевода. Следует отметить, что комментирование своего выбора было необязательным для Ии., что указывалось в инструкции, поэтому 32 человека прокомментировали его частично, 13 полностью отказались от комментирования. Однако, как выяснилось в ходе бесед после эксперимента, Ии. не комментировали свой выбор зачастую из-за неспособности выразить его словами, а также комментарии типа *перевод неадекватен* или *наиболее эквивалентный перевод* далеко не всегда используются терминологически.

Комментарии с объяснениями выбора были разделены на две группы – объективные и субъективные. Объективные – это коммента-

рии, соотносящиеся с некоторой системой (например, оригинальный текст, стиль, языковая норма и т.п.), они выражают, так сказать, абсолютный характер суждения и часто имеют отношение к тому, что не связано с переводом именно данного текста. Субъективные – это комментарии, в основу которых положен личный опыт переводчика или его личные предпочтения, которые выражены явным образом или не выражены. Субъективная группа комментариев была разделена ещё на две подгруппы – рациональные и эмоциональные. Всё, что соотносилось с оригиналом, автором или читателем, которые принимались как бы за эталон, по отношению к которому должен существовать перевод, – это рациональные комментарии. Эмоциональные – это комментарии, определяющиеся в явной форме выраженными чувствами и эмоциями самого испытуемого. Разумеется, что разделение комментариев на типы есть инструмент нашей работы с анализируемым материалом, а не то, что «на самом деле» существует в сознании переводчика. Мы не исключаем (скорее, даже признаём), что то, что мы называем иррациональным или эмоциональным, испытуемыми в момент выбора варианта перевода переживалось как объективное и вполне рациональное, более того – очевидное, в пользу чего свидетельствует наличие «переходных» случаев, т.е. таких комментариев, которые могут быть охарактеризованы как рациональные или как эмоциональные (например, *слишком поэтично*) и как субъективные или как объективные (например, *подходит по стилю; слишком дословный перевод*).

Всего было дано 354 комментария, из них объективные – 110, рациональные – 174, эмоциональные – 70. С небольшим округлением на диаграмме ниже представлен процент, который составляет каждая группа комментариев (см. рисунок).

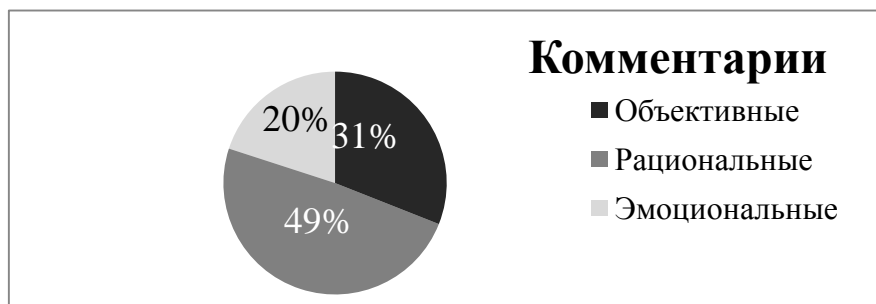

Рис.

Чаще всего Ии. руководствовались рациональными соображениями субъективного характера, такие комментарии составили 49% от общего количества. Было решено в данном случае не разделять положительные и отрицательные комментарии на разные группы, так как они все подходят под одну классификацию и выявляют схожие тенденции.

Приведём некоторые яркие примеры комментариев из каждой группы.

Объективные: *больше всего соответствует оригиналу (по смыслу и по синтаксису); переводческая эквивалентность идеальная; более подходящая конструкция для научного текста; верно семантически и стилистически; из предложения понятно, о чём идёт речь.*

Субъективные рациональные: *точно, лаконично и красиво; убедительно, легко читать; на мой взгляд, немного искажается эмоциональная окраска текста; слишком экспрессивно; слишком сложно и замудрено, перечитываешь несколько раз, чтобы понять.*

Субъективные эмоциональные: *шедевр по сравнению с остальными вариантами перевода; лучший; ну, отвратительно же!; славно; немного google translate style; что? О_О; предложение начинается с «и», повторы ужасны; I like it. Another!*

Следует отметить, что в рациональных комментариях наблюдается тенденция к генерализации: мне не понятно (или понятно), значит, и всем не понятно, что создаёт некоторый эффект субъективной очевидности, который влечёт за собой необоснованность оценок (например: *слишком дословно; искажён смысл*). Эмоциональные комментарии можно назвать иррациональными, так как многие из них не поддаются какому-либо объяснению, даже со стороны самого испытуемого (например, *не нравится; на самом деле, сомнения между 1 и 2*). Можно сделать вывод, что, подобно тому как для говорящего нет проблемы значения изолированного слова, так как оно всегда встроено во внутренний контекст [1: 307], так и для переводчика нет проблемы изолированного предложения, так как правильность его перевода подсказывается перцептивно-когнитивно-аффективным опытом самого переводчика, в конечном итоге – образом мира.

Важным представляется также учитывать, что выбор того или иного варианта перевода не говорит о том, что именно этот вариант принимается единственно верным, признаётся лишь, что и так перевести можно, но это не отменяет правильности остальных вариантов перевода. И наоборот, признание какого-то варианта перевода неприемлемым не делает остальные варианты приемлемыми и правильными.

До сих пор мы говорили о «горизонтальном» анализе анкет Ии. – когда все они как бы раскладывались в одну линию и анализировались по очереди, интересным мы считаем и «вертикальный» анализ – рассмотрение отдельных анкет и выявление в них некоторых особенностей.

Так, подавляющее большинство Ии. использовали для обоснования своего выбора комментарии разных типов, однако среди всего массива анкет присутствуют такие, где комментарии явно тяготеют к общей тенденции. Например, в 4 анкетах были даны очень немногословные комментарии (типа *искажение; просто и понятно*) и, напротив, в 7

анкетах Ии. предпочитали развёрнутые комментарии (*много лишних слов (события, возродить в памяти и т.д.), добавление информации, которая не упоминается в тексте; Не могу смириться с «выбить из людей», в других предложениях ещё можно простить. А вот построено предложение интересно.*). Примечательно также, что в подобных случаях (при развёрнутых комментариях) комментарии, как правило, субъективные, что обусловлено, как можно полагать, тем, что И. находит возможность выразить своё мнение полностью, включая его субъективные компонент, даже апеллируя к объективности (*перевод, на мой взгляд, слишком поэтический, сложен для понимания*).

«Вертикальный» анализ анкет выявляет также тенденцию некоторых Ии. указывать, что именно в переводе им не понравилось, а не почему. Однако же, как и предыдущая тенденция, данная особенность не прослеживается ни в одной анкете полностью. Все эти особенности не имеют прямой связи с контекстом, они проявляются как в анкетах, где предложения были даны в контексте, так и в анкетах без контекста.

Хотя описанное исследование носит пилотный, так сказать, разведывательный характер, уже сейчас можно сказать, что выбор переводчика обусловлен множеством взаимодействующих и накладывающихся друг на друга факторов, и лишь инструкция эксперимента заставляет его приостановить «поток сознания» или сконцентрироваться лишь на одном факторе (на одной грани многогранного образа), дабы именно его назвать наиболее существенным. Переводчик не только не придерживается логико-рационалистических критериев при переводе, его выбор в принципе довольно хаотичен и многогранен, и его очень сложно подвести под общую тенденцию или модель.

Данные проведённого эксперимента указывают на недопустимость слепого приравнивания теорий как построений учёного и реальных основ действий переводчика (первые отражают не речемыслительные процессы в рамках деятельности переводчика, а то, как учёный интерпретирует результаты и продукты этих процессов). Невозможность учёта всех факторов, важнейшим из которых является внутренний контекст, крайне труднодоступный для прямого наблюдения, наводит на вывод о введении в переводоведение неклассического подхода, подразумевающего, в частности, что всегда существует нечто, не поддающееся наблюдению учёного, что будет ускользать от его метода, но что играет существенную роль в осуществлении перевода [4].

В экспериментах и в обучении переводу следует стараться учесть все факторы, указанные Ии. в рамках описанного эксперимента. Тогда мы сможем говорить о «прогнозируемой вариативности», когда все факторы, кроме одного (в идеале), идентичны (прагматика, стиль и т.д.), что и позволит изучать различия в отношении переводчика именно к этому фактору и его возможное влияние на остальные. Однако даже в

таких случаях мы не избежим некоторого зазора, который мы не в состоянии будем ухватить и в полной мере учесть – внутренний, личностный контекст, через который всё остальное только и может быть понято испытуемым и реальным переводчиком.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2010. 368 с.
3. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
4. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
5. Яковлев А.А., Маниюкова А.К. Отношение переводчика к переводимому тексту: экспериментальное исследование // Наука и Мир. 2014. № 6 (10). С. 138–141.
6. Nida E.A. Contexts in Translating. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Publishing Company, 2001. 138 p.

THE TEXT IN THE TRANSLATOR'S MIND

A.A. Yakovlev, A.K. Maniukova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the results of an experiment aimed at exploring the factors which influence the translator's choice of an appropriate language unit and the way those factors are reflected in the translator's mind. Three types of factors are distinguished and all of them are emotionally charged and not always consciously registered by the translators themselves.

Keywords: *translation, translation studies, context, psycholinguistics.*

Об авторах:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель Института филологии и межъязыковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

МАНИЮКОВА Анастасия Константиновна – студентка 5 курса Института филологии и межъязыковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: a.k.mn@yandex.ru.